

И время отзовется

ВЫСТАВКИ

«ВЕЛИКИЙ ГОРОД, непокорный бурям, своим трудом построенный навек, свой — без церквей, без кабаков, без тюрем, без нищих, без бандитов, без калек...» Эти строки из поэмы Бориса Ручьева «Прощание с юностью» вспоминают сегодня всякий раз, когда заходит речь о коррективах, внесенных в жизнь самой историей.

Есть эти стихи и в великолепно изданном каталоге «Русское медное литье из собрания Магнитогорского краеведческого музея», изданном летом нынешнего года в связи с открытием выставки «Слово и образ». Открывшаяся в середине октября в одном из музейных залов, она была приурочена к 260-летию первой церкви, построенной в 1747 году в крепости Магнитной.

В одном из разделов экспозиции можно увидеть ныне образцы меднолитых икон, крестов, складней, хранящихся в музейных фондах. Кто знает, сколько из них попало в социалистическую Магнитку, благодаря тем, кто, невзирая на идеологические установки, оставался истым христианином. Эти миниатюрные предметы культа было удобно брать с собой в дорогу. С их помощью можно было тайно отправлять религиозные обряды, творя собственный путь спасения в условиях чуждого миропорядка. Первый десяток предметов, положивших начало коллекции медного литья, передали в дар сотрудникам краеведческого музея жители нашего города еще в 70–80-х годах прошлого столетия. Сегодня в ней насчитывается около 170 экспонатов!

Здесь можно увидеть и деревянные иконы, чудом уцелевшие в пожарах воинствующего атеизма 20–30-х годов XX столетия. По некоторым данным, в кровавом 1937-м в стенах магнитогорского СИЗО был расстрелян местоблюститель Патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий, краткое жизнеописание которого также представлено в экспозиции...

Лишь в 1942-м, когда стало ясно, что исход Великой Отечественной войны потребует от страны немалого напряжения сил и стойкости духа, по всей стране, в том числе и в Магнитке, начали восстанавливать храмы. Имена первых священников, отцов Димитрия и Иоанна, чьими силами в «безбожном» городе строились и восстанавливались Михайло-Архангельская церковь и Свято-Никольский храм, сохранены в новейшей истории Магнитки. Как и имя отца Флора, в бытность которого в магнитогорском правобережье начал возводиться крупнейший в городе — храм Вознесения Господня.

Авторский макет его, выполненный архитектором Анатолием Волобуевым, является одним из наиболее интересных экспонатов, хранящихся в музейных фондах. Как и предметы культа, переданные когда-то магнитогорским краеведам после ареста отца Иоанна и показательного закрытия в 1961 году Свято-Никольского храма. Кстати, юбилейную экспозицию активно помогали формировать музейщикам представители церкви. И потому здесь можно увидеть сегодня подлинные предметы, с помощью которых отправляются основные церковные таинства, а также одежду священнослужителей, каждый предмет которой несет особый смысл сугубо русских религиозности и благочестия...

Ныне в городе — первенце первой пилатетки — действуют три православных храма и две часовни. Одна из них — часовня иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» — высятся на месте расстрела тех, кто в далекие 30-е отказывался отречься от веры и Божьих заповедей. И в этом смысле выставка «Слово и образ» может считаться показанием потомкам перед памятью тысяч мучеников, чей жизненный путь нелепо оборвали беспочвенные замыслы и бессмысленные попытки доказать миру, что новая жизнь сможет обойтись без проторенной дороги к храму.

Те сказания будут известными

ГОД ЧТЕНИЯ

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ этой уникальной книги увидело свет совсем недавно — в сентябре.

Тогда сказки, притчи, пословицы и былины уральского казачества, созданные на основе народных преданий и легенд поэтом и писателем Владимиром Машковцевым, вышли тиражом всего четыре тысячи экземпляров и стали замечательным подарком для магнитогорских первоклассников. Однако в книге «Подкова на счастье. Сказки казачьего Янка» есть немало интересного не только для младших школьников.

Подобно тому, как знаменитые ныне сказки Павла Бажова впервые явили миру могучий образ Урала, «Сказки казачьего Янка» создают в воображении читателя чудесный мир Южноуралья, где живут трехглавый змей-ашер Горын и злобный Див, простодушный Макарушка и его ворона Дураша, сумевшие перехитрить самого царя Осетра. Здесь верная жена кочевника Абдуллы Алтынташ льет слезы, превращающиеся в самоцветы. А пушкарь Егорий разбивает несметное вражье войско из мортиры, стреляющей серебряными гривнами да червонцами. И в награду за то просит дать ему всего-то полушку...

Сказки эти — волшебные, исторические, героические — наполнены вековой народной мудростью, нравственным стержнем которой всегда оставалась неизбывная вера человека в торжество добра над злом: «А прошло с тех пор триста с гаком лет. И давно на свете Николушки нет, а в каком сорхоне его дула — не узнает жадный мир никогда...»

Жадный мир не узнает многого. Ведь добрый урок любая сказка способна преподать лишь тому, чье сердце открыто окружающему миру. И потому книга Владимира Машковцева обязательно должна занять свое место на полках школьных, публичных и личных библиотек. Да и интерес к ней магнитогорцев оказался действительно велик — многие спрашивают сегодня о том, где можно приобрести «Сказки казачьего Янка». В открытую продажу они, увы, так и не поступили. Однако изыскана возможность выпустить дополнительный, «народный», тираж книги, объем которого определит количество заявок, поступивших от магнитогорцев в музей-квартиру Бориса Ручьева по телефону 37-39-67. С заявками, кстати, следует поторопиться — число их ограничено, а спрос явно может значительно превысить предложение.

В подшивках пыльных остается мы...

НА БУДУЩЕЕ

ЖУРНАЛИСТЫ — народ тихий и непритязательный. Особенно в вопросах, касающихся увековечения памяти об их «бессмертном творчестве».

Возможно, именно поэтому весть о намеченном на октябрь нынешнего года открытии в Вашигтоне музея истории журналистики, или «Ньюсмузеума», еще по весне мгновенно облетела эфир всех телевизионных и радиостудий, «приземлившись» затем на страницы подавляющего большинства мировых печатных изданий. Музейный проект, посвященный истории журналистики, стоимостью которого составляет, к тому же, ни много ни мало 435 млн. долларов, — это ли не сенсация!

Ведь до сего времени ни одно государство не удосужилось подобным образом оценить работу тех, кто каждодневным трудом создает хронику текущих событий истории. Как правило, память о журналистской работе сохраняют лишь пыльные подшивки газет да отправленные в архив пленки с записями сюжетов...

Впрочем, пока суть да дело, кое-где в российских областях тоже зашевелились по части создания собственных экспозиций местные союзы журналистов. В Москве и Петербурге можно при большом желании отыскать что-то вроде музеев печати, львиную долю фондов которых составляет история развития российской полиграфии. А в остальном прозвучавшая еще в год празднования 300-летия российской журналистики идея о создании специального музея в нашей стране пока по-прежнему висит в воздухе. И это несмотря на то, что высказана она была в присутствии тогдашнего премьер-министра Михаила Касьянова.

Так что американцы и здесь оказались «впереди планеты всей». Ведь даже чехи, с 1946 года собирающие экспонаты, связанные с историей развития местных СМИ, планируют открыть свой музей журналистики не раньше 2013–2014 годов. Когда завершится реконструкция пражского Летнего дворца на Стромовке. И это в государстве, где, по сведениям информационных агентств, количество только печатных периодических изданий составляет почти 3,5 тысячи и продолжает с каждым годом увеличиваться!..

ОСОБАЯ магнитогорская публика не подвела и на этот раз. Такого зрителя, как в металлургической Магнитке: доброго, чуткого, отзывчивого, готового всей душой воспринять новое и проникнуться малоизвестным — говорят, в России почти уже не найти.

Это на VIII фестивале «Театр без границ» отмечали все — от участников, попавших на него «транзитом» по пути на следующий фестиваль, до членов иностранного жюри. Один из них — театральный критик и организатор многочисленных международных фестивалей на европейских сценических площадках Петер Бу признался даже в нашей беседе, что был искренне тронут тем, как относятся в Магнитке к театру: почти что с трепетом. «Почти», поскольку, как ни странно, несмотря на постоянные напоминания перед началом каждого спектакля, именно наши зрители забывают отключать свои мобильники. И как следствие, тишину зала время от времени разрезают звуки электронной полифонии, что, разумеется, придает действительно некий налет современности, но возникает уж слишком нарочито и не вовремя...

Впрочем, оставим в стороне «брюзжания по поводу» и обратимся к тому, что действительно приковывало внимание магнитогорских театралов на протяжении восьми вечеров и семи дней фестивальной программы. Как человек, помнящий наш «Театр без границ», что называется «ab ovo», или проще говоря «от самого начала», могу сказать честно — программа нынешнего конкурса оказалась стабильно профессиональной и ровной. Без неожиданных всплесков и потрясений, но и, что гораздо важнее, без откровенных разочарований.

Вердикт, вынесенный в конце беспристрастных жюри, в общем-то, особого протеста не вызвал ни у кого. Скажу больше: замечательно то, что в чьей-то российской пристризации все-таки совпали с европейскими — «Месяц в деревне» Новосибирского молодежного театра «Любус» и «Гамлет», превращенный Николаем Колядой в своего рода притчу о самоопределении личности в мире, где царят нравы звериной стаи, оказались среди беспорочных фаворитов программы. Что же касается победителя нынешнего фестиваля — чеховско-эренбургского «Иванова», доставленного в Магнитку из Петербурга — тут мнения большинства явно разошлись. Впрочем, как выяснилось уже на церемонии закрытия, и самим жюри победитель был определен с перевесом всего в один голос...

Мужской стриптиз на фоне Чехова

Постановка классики на русской сцене явно переживает кризис. Осторожный зритель ходит на нее, заранее ожидая

подвоха. Учителя, кажется, наконец, поняли, что, увидев в афише знакомое название, не следует торопиться вести на спектакль современных оболтусов — они и так-то у нас нечитают, а тут могут и вовсе интересе к буквам и словам утратить.

О том, что творилось на сцене в вечер показа спектакля «Иванов» НЕбольшого драматического театра из Петербурга, по городу уже ходят легенды: мужики, мол, там голые по сцене скакали и непотребство творили. Мужской стриптиз в новаторском прочтении одной из самых загадочных пьес Чехова, действительно, имел место быть. Причем натуральный, лишенный всякой эстетки. Иностранцы, давно переставшие относиться к обнаженной натуре как к некоей тайне, находили в этом метафорический смысл — дескать герои Эренбурга чисты и наивны, как дети, и потому легко и свободно плещутся в воде и непринужденно скачут в чем мать родила по сцене.

Наш зритель в большинстве своем тихо и недоумоно эту метафору не принял. Как, надеюсь, не принял и того, что нео-чеховские интеллигенты по ходу действия бесконечно пьют водку, едят отнюдь не то, что «кружковое варенье», потрошат живую рыбу и раздеваются-раздеваются-раздеваются...

Да, разумеется, и в этом, ос-

новательно напрягши мысль, можно отыскать великое иносказание. Только с Чеховым-то, в пьесах которого всегда преобладали психологизм, а не натуралистическая рассудочность, что прикажете делать? Ну не могу я, при всем моем желании, поверить в то, что чистый душой до физического наготы Иванов, чутко что припадающий к рымке, способен в конце концов, пустить себе пулю в лоб. Шаг в бесконечность добровольно делает тот, кто просто не находит иного выхода из психологического тупика. А тут тебе и водка, и хвост селедки, и Шурочка Лебедева, тоже открывающая душу исключительно через обнаженное тело — но вот, поди ж ты, не складывается жизнь, хоть ты тресни! И потому не верю я в этом случае ничему, как Станиславский. Не верю!

Ибо язык театра должен не шокировать, а оставлять художественно убедительным. И если юр режиссер решил прибегнуть к развешиванию на сцене всех и вся, нагота здесь тоже должна быть художественной. Как происходит это у Николая Коляды в «Гамлете», где персонажи шекспировской трагедии обитают не столько при погружении в разврат дворе короля Клавдия, сколько в звериной стае. А звери не ведают стыда. И обнаженный Клавдий, на которого льются с потолка потоки воды, предстает перед зрителем не как король Дани, а как опытный своим могуществом вожак этих уродливых существ. Да и нагота его «гадится» в скрещении прожекторов театральным светом, обретая полуфантастические очертания.

И это, надеюсь, ни у кого вопросов не вызывает. Потому что русский театр всегда шел к сердцу зрителя не через логику, а через эмоции. Устроены мы так — рассудочными доводами загадочную русскую душу расшевелить трудно. И чем больше на сцене того, что затрагивает чувства и бердит потаенное, тем скорей художник достигнет желаемой цели...

«...Все потому, что честные люди»

Скажу сразу: этой реплики помещика Аркадия Ислая, в доме которого смешалась все внезапная всепоглощающая страсть, не было в спектакле «Месяц в деревне», привезенном на фестиваль Новосибирским академическим молодежным театром «Любус». Режиссер-постановщик Александр Кузин, вообще, сделал в тургеневской пьесе довольно много купюр, сместив акценты и поставив финальную точку на

четверть действия раньше авторской.

Его герои спешно покидают усадьбу и остаются в смутных чувствах без всякой надежды на то, что жизнь их еще вернется в привычное русло. И, как ни странно, подобное окончание истории оказывается вполне в духе русской классики, в которой любовь, счастливая ли, несчастная, всегда исполнена внутреннего трагизма. Утверждают, впрочем, что сам Иван Сергеевич ставил в центр своей психологической драмы противостояние дворянства и разночинцев. Ведь и пьеса его изначально носила название «Студент». Время, однако, стерло бесследно всю социальную направленность истории, в течение пяти дней явившейся в безвестной дворянской усадьбе, коих по всей России можно было сыскать не так уж и мало.

«Месяц в деревне» Александра Кузина превратился в любовное повествование о любви двух женщин, трусливо отвергнутой слабохарактерным героем их романа — студентом Алексеем Беляевым. Именно в него влюбляются одновременно хозяйка дома — красавица Наталья Петровна и воспитанница семейства — юная Верочка. Но одну учитель, нанятый на лето для малолетнего сына Ислая, не любит сам. Другая оказывается для него недостижимой в величии чувства. Да и «знающий» человек, давний друг семьи помещик Ракитин, безнадежно влюбленный в Наталью Петровну, в отчаянии предупреждает счастливого соперника: «По-моему, Алексей Николаич, всякая любовь, счастливая, равно как и несчастная, настоящее бедствие, когда ей отдаешься всерьез... Погодите! Вы узнаете, сколько жгучей ненависти таится под самой пламенной любовью! Вы вспомните обо мне, когда, как больной жаждет покоя, вы будете жаждать покоя, самого пошлого покоя, когда вы будете заводить всякому человеку беззастенчивому и свободному... Погодите! Вы узнаете, что значит принадлежать юбке, что значит быть поработленным, зараженным — и как постыдно и томительно это рабство!..»

И «слабый» герой вполне в духе тургеневского Н. Н. из повести «Ася» сдает позиции, оставляя напоследок записку, в которой только два слова. Не о любви. Об отъезде...

Спектакль новосибирцев удивительным образом выстроен так, что держит зрителя в напряжении от первой сцены до последней, сохраняя при этом абсолютное ощущение классического русского театра. И ощущению этому вовсе не мешает то, что герои «глобусовцев» являются к нам,

скорее, из эпохи модерна, нежели из середины позапрошлого столетия. Наталья Петровна здесь вовсе не истеричная барынька, мечущаяся в своих монологах между долгим и чувством. Любовь, долгое время являвшаяся для нее своего рода игрой в «кошки-мышки», подобно внешней воде бурным потоком ссылавает вдруг все наносное, заставляя красавицу, не знающую поражения, вдруг осознать всю суестьность жизни, если нет в ней места подлинному чувству... «Месяц в деревне», привезенный на наш фестиваль одним из давних фаворитов его конкурсной программы (в 1999 году именно театр «Любус» ухитрился завоевать в финале четыре из семи главных номинаций — рекорд, оставшийся абсолютным до сих пор), явил, наконец-то, магнитогорскому зрителю пример бережного отношения к классике в наши дни. Ибо классическое наследие не есть нечто застывшее в своем величии на века и тысячелетия. Как все истинно лучшее, сумевшее пережить свою эпоху, классика была и остается результатом прошедшего и указанием на будущее...

Призрак мюзикла

Если выстраивать иерархию зрительских симпатий-антипатий нынешнего фестиваля, положительный ее полус будет безоговорочно отдан спектаклю самого камерного из Екатеринбургских театров с типично московским названием «Волхонка». Название связано вовсе не с некими «столичными» корнями екатеринбуржцев (группу театра составляют исключительно выпускники Уральского театрального института), а со стародавним названием одного из переулков города — Волхонским. Забавная же история в одном действии «Момо», созданная по повести Эрика Эммануэля Шмитта «Господин Ибрагим и цветы Корана» режиссером Михаилом Заецом, оказалась на фестивале единодушно признана как самый трогательный и проникновенный спектакль программы не только зрителем, но и представителями российской театральной критики.

Кстати, свой слеприз «За художественное воплощение гуманистических идей» генеральный спонсор фестиваля ОАО «ММК» отдал именно этому спектаклю, не оцененному иностранцами ни в одной из официальных номинаций. Вообще, «мы» и «они», как показывал нынешний «Театр без границ», воспринимаем язык современного театра абсолютно по-разному. И потому на этом фоне как должное была воспринята награда, врученная Пермскому академическому

театру драмы за мюзикл «Доктор Живаго» в постановке Бориса Мильграма, вызвавший в рядах магнитогорцев отнюдь не однозначные оценки.

И вот здесь, пожалуй, самое время сказать о том, что, отправляясь в театр, следует помнить: литературный первоисточник и его сценическое воплощение далеко не всегда могут и должны жанрово соответствовать друг другу. Именно так и произошло с переводом на язык музыкальной фантазии эпически многослойного романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

Те, кто, покупая билеты в кассе театра, рассчитывал увидеть в тот вечер на сцене нечто среднее гerasимовской экранзации «Тихого Дона», делали это совершенно зря. Мюзикл в силу своей явной ориентации на зрелищность и шлягерность музыкальных характеристик героев не может претендовать на лавры высокой трагедии или драмы. Иначе это будет уже не мюзикл, а нечто иное, корнями уходящее в область куда более серьезных музыкальных жанров. Другой вопрос: стоит ли, в принципе, переводить произведения, подобные роману Пастернака, на язык шлягера и танца? На мой взгляд, нет. И степень мастерства авторов здесь ни при чем.

Ведь мюзикл, вышедший на сценические подмостки Америки в 70-х годах прошлого столетия, был жанром, теснейшим образом связанным с шоу-бизнесом. Классика, популяризируемая с помощью мелодий, мгновенно ложащихся на слух и потом долгое время преследующих тебя в повседневной жизни, сегодня уступила место сюжетам куда более быденным и простеньким. Ну а мы, как видно, должны-таки и здесь пройти свой собственный путь освоения неведомого, чтобы принять или окончательно отринуть «заморское изобретение».

Но если все-таки российский зритель до сих пор столь остро реагирует на перевод великого сюжета на язык масс-культуры, значит театр по-прежнему является для большинства из нас храмом, дорога к которому пролегает через тернии напряженной работы души. И это, пожалуй, главный итог наблюдений, сделанных в ходе не только последнего, но и всех предыдущих фестивалей «Театр без границ», которые любят и ждут в Магнитке, независимо от смены мод и капризов природы. Так есть. И, очень надеюсь, так будет...

БЕРА ЗАСПИЧ.
Фото ИГОРЯ ПЯТИНИНА.

